

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

А. А. АЛЕКСЕЕВ

АКАДЕМИК А. И. СОБОЛЕВСКИЙ — ИСТОРИК РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Язык письменных памятников, созданных и бытовавших в России на протяжении тысячелетней истории русской письменности, стал предметом изучения с первых шагов славяно-русской филологии. Однако попытки обобщения разнообразных знаний, которые давало изучение текстов, относятся к более позднему периоду.

Заслуга создания университетского курса истории русского литературного языка принадлежит В. В. Виноградову, опубликовавшему в 1934 г. «Очерки по истории русского литературного языка» (2-е изд. — 1938), которые явились «первой попыткой уложить в систему сложный и разнообразный языковой материал, относящийся к истории русского литературного языка XVIII и XIX в.»¹.

Впрочем предмет истории русского литературного языка, под которым необходимо подразумевать опыты по осмыслению путей и итогов исторического существования языка русской письменности, имеет более отдаленные истоки. Выяснению этих истоков, а также истории изучения русского литературного языка посвящена обширная работа В. В. Виноградова и статья В. Д. Левина и А. Д. Григорьевой². К сожалению, в них не затронут вопрос о времени возникновения понятия «русский литературный язык», что немаловажно при определении момента, к которому можно отнести начало истории русского литературного языка как науки. Не имея возможности решить здесь этот вопрос, отметим, что слово «литературный» с некоторых пор стало попадать в заголовки языковедческих сочинений. Ср.: «Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке» П. Житецкого (1889), «Главнейшие течения в русском литературном языке» Е. Ф. Карского и «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» С. К. Булича (1893), «Из истории русского литературного языка конца XVIII и начала XIX века» (1901) и «Очерк истории современного литературного русского языка» (1908) Е. Будде. Среди этих работ необходимо упомянуть и скромную по размеру лекцию акад. А. И. Соболевского «Русский литературный язык», прочитанную в 1903 г.³, а также его речь в собрании Академии наук

¹ В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, «Уч. зап. МГУ», т. III, кн. 1, вып. 106, 1946, стр. 141.

² В. В. Виноградов, Русская наука...; В. Д. Левин, А. Д. Григорьева, Вопрос о происхождении и начальных этапах русского литературного языка в русской науке XIX века, «Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», 51, 1956.

³ «Труды I съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях». Приложение 1, СПб., 1904, стр. 363—370.

«Ломоносов в истории русского языка» (СПб., 1911), близко примыкающую по содержанию к названной лекции.

И тут и там А. И. Соболевский указывает на письменное двуязычие Древней Руси (где церковнославянский язык на болгарской языковой основе был противопоставлен деловому языку на собственно русской языковой основе), замененное в XVIII в., благодаря усилиям Тредиаковского и Ломоносова, новым литературным языком, в котором церковнославянский и народный русский элементы распределены были каким-то иным образом, чем в предшествующий период. Едва ли было возможно предположить, что эти два выступления представляют собой самый сжатый конспект обширного систематического изложения истории русского литературного языка. Между тем, это так, как показывает обнаруженная недавно рукопись, которая в числе нескольких других рукописей А. И. Соболевского сохранилась в архиве Н. Л. Туницкого, известного русского слависта (Личный архив Н. Л. Туницкого, содержащий большое число завершенных, но неопубликованных работ, погиб в 1941 г., чудом уцелела большая зеленая папка с рукописями А. И. Соболевского).

Ввиду важности этой находки приводим здесь краткое описание обнаруженных рукописей А. И. Соболевского⁴.

1. «Новые славяно-скифские этюды», 13 лл. Подписано: «А. Соболевский. Москва. 10.V.1929», следовательно, работа закончена за 16 дней до смерти. Ср. публиковавшиеся в течение 20-х годов в ИОРЯС «Русско-скифские этюды», «Новые русско-скифские этюды», «Славяно-скифские этюды».

2. Этимологические заметки о слове *русь*, 14 лл. Неозаглавлено, неокончено. Писалось между 1927 и 1929 гг. Кое-что из этой рукописи попало в «Славяно-скифские этюды» (см. «Известия по русскому языку и словесности», 2, кн. 1, 1929, стр. 159—162). Согласно А. И. Соболевскому, вульгарное греч. *Ῥως* служило обозначением Таврии, затем было перенесено на киевских славян, занявших полуостров.

3. Черновики для предыдущего, 4 лл.

4. Этимологические заметки, 4 лл. Содержат черновые варианты для статьи «Несколько замечаний о заимствованных словах (по поводу книги А. Стендер-Петерсена)» («Slavia», 8, 1929, стр. 489—492).

5. Отрывок, 2 лл. Критика на книгу И. А. Шляпкина «Св. Димитрий Ростовский и его время», СПб., 1891. Как известно, А. И. Соболевский выступил официальным оппонентом на магистерской диссертации И. А. Шляпкина. Отчет о защите с изложением выступления А. И. Соболевского см.: «Историческое обозрение», 2, СПб., 1891, стр. 177—181.

6. «Древняя Москва», 23 лл. Историко-филологический обзор первых сведений о Москве.

7. «Начало Москвы», 23 лл. Рукопись 20-х годов, отчасти совпадает с предыдущей.

8. Выписки из рукописей Публичной библиотеки и старопечатных книг, 8 лл.

9. Наконец, последняя рукопись, которая явится предметом более подробного анализа в настоящей статье. Рукопись состоит из 182 нумерованных листов in folio, исписанных как правило с лицевой стороны; в некоторых случаях заполнены и обороты, имеются вставные дополнительные листы, так что общий объем рукописи составляет приблизительно

⁴ Считаем своим приятным долгом выразить глубокую признательность А. Н. Туницкому, сыну покойного слависта, за предоставление нам возможности изучать эти материалы. Необходимо отметить, что именно А. Н. Туницкий спас эти рукописи из разрушенного бомбой дома и сохранил их в дальнейшем. 11 декабря 1974 г. рукописи были переданы А. Н. Туницким в дар Архиву Академии наук в Ленинграде.

7 п. л. Рукопись писана черными чернилами, пагинация — синим карандашом. На полях имеются дополнительные заметки синим и простым карандашом, карандашом же перечеркнуты местами довольно обширные куски текста. Рукопись обернута в лист, на котором написано рукою Н. Л. Туницкого (?) «История русского литературного языка» и — уже безусловно Н. Л. Туницким — «В случае моей смерти передать Соболевской» (эти слова дважды повторены на самой папке, в которую помещены все рукописи).

Перечисленные работы оказываются первым рукописным наследством А. И. Соболевского научного характера, с тех пор как в 1918 г. пропал его архив. Государственные хранилища (Архив АН СССР, ЦГАЛИ, ЛГИА) содержат лишь письма и различного рода официальные документы, касающиеся жизни А. И. Соболевского⁵.

Обращаясь непосредственно к последней из названных рукописей А. И. Соболевского, озаглавленной «История русского литературного языка», прежде всего отметим, что авторство А. И. Соболевского устанавливается как по почерку, так и по содержанию (между прочим, значительное число фраз лекции «Русский литературный язык» полностью совпадает с фразами настоящей рукописи). Стиль изложения, методичность и последовательность с полной убедительностью говорят о том, что рукопись представляет собою запись университетского лекционного курса. Время составления курса — начало 90-х годов XIX в. *Terminus post quem* — это 1889 г.: на л. 1 говорится о книге П. Житецкого «Очерк литературной истории малорусского наречия», изданной в Киеве в 1889 г., как о «только что вышедшей в свет». С меньшей определенностью можно заключить, что *terminus post quem non* — это 1893 г., когда А. И. Соболевский выступил на съезде археологов в Вильне с обоснованием своего знаменитого лексического критерия в определении восточнославянских оригиналов церковнославянских текстов⁶. Упоминание об этом критерии есть и в курсе, но здесь этот вопрос изложен беднее и бледнее, являясь как бы черновым наброском будущего доклада. Заметим также, что ссылки на научную литературу 90-х годов отсутствуют. Встречающиеся кое-где стилистические поправки карандашом, заметки на полях говорят о втором этапе работы над текстом. Однако предприятие не было доведено до конца: несколько мелких разделов, намеченных к разработке, как это видно из заметок на полях (например, язык Уложения 1649 г.), так и не были сделаны. Курс этот, по всей вероятности, никогда не читался студентам Санктпетербургского университета⁷.

Содержание курса «Истории русского литературного языка»:

1. Введение. Определение понятий, лл. 1—2.
2. Языковая ситуация в Древней Руси, л. 2 [См. лекцию «Русский литературный язык», стр. 363—365].
3. Церковнославянский язык и особенности древних переводов богослужебных и библийских книг, лл. 3—7 [Раздел перечеркнут карандашом. Сходный по содержанию пассаж содержится в курсе А. И. Соболевского «Славяно-русская палеография», СПб., 1908, стр. 93—94].
4. Язык житий, слов, поучений; язык хронографов, лл. 8—11.
5. Особенности русского извода церковнославянского языка, лл. 11—14 [Ср. «Славяно-русская палеография», стр. 82—83].

⁵ См., в частности, вкн.: «Материалы по истории Ленинградского университета», Л., 1961.

⁶ А. И. Соболевский, Особенности русских переводов домонгольского периода, «Труды IX Археологического съезда в Вильне», 2, М., 1897.

⁷ Лекционные курсы А. И. Соболевского в Санктпетербургском университете названы Т. А. Ивановой. См.: «Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете», Л., 1971, стр. 48.

6. Местные особенности церковнославянского языка по русским землям, лл. 14—16 а [Ср.: «Славяно-русская палеография», стр. 83—85].
7. Постановка обучения в Древней Руси, л. 16 б.
8. Церковнославянский язык как языковой идеал для русских писцов. Еще о местных особенностях, лл. 16 а — 18.
9. Хорошее и плохое знание церковнославянского языка. Трудности в различении церковнославянских текстов по их происхождению, лл. 18—19 [Ср.: «Судьбы церковнославянского языка». Лекции проф. А. И. Соболевского, СПб., 1891 (Литография), стр. 21—22].
10. Язык переводов, выполненных в Древней Руси. Лексический критерий, лл. 20—21 [Ср.: А. И. Соболевский, Древнерусская переводная литература, СПб., 1892/3 уч. год. (Литография), стр. 8—11, а также названный доклад «Особенности русских переводов домонгольского периода»].
11. Церковнославянский язык русского извода, лл. 22—23.
12. Деловой язык домонгольской Руси, лл. 23—24 [Ср. в лекции «Русский литературный язык», стр. 366].
13. Политические обстоятельства татарского нашествия. Обзор местных литератур, лл. 25—31 [Часть этого раздела составляет заметка А. И. Соболевского «Остатки библиотеки XIII века», «Библиограф», 1889, стр. 144—145].
14. Язык Москвы, лл. 32—33 [Ср.: «Славяно-русская палеография», стр. 89—90].
15. Язык Новгорода, его падение, лл. 33—38 [Ср.: «Славяно-русская палеография», стр. 88—89].
16. Язык Пскова, его падение, лл. 38—41 [Ср.: «Славяно-русская палеография», стр. 89].
17. Усиление различий между русским и церковнославянским языками, лл. 41—42 [Ср.: А. И. Соболевский, Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках, Сб. ОРЯС, 74, 1903. Разумеется, изложение в курсе еще далеко от замечательных наблюдений и мыслей доклада 1894 г.].
18. Язык северо-восточной Руси. Образованность, лл. 41—46.
19. Деловые языки северо-восточной Руси, лл. 46—48 [Ср.: «Славяно-русская палеография», стр. 91—93].
20. Языковые особенности юго-западной Руси. Письменность западной Руси в XII—XIV вв., лл. 49—52 [Ср.: «Славяно-русская палеография», стр. 90—91].
21. Письменность западной Руси в XV—XVI вв.: Библия Скорины, сборник Залусского, Познанский сборник, лл. 53—60 [Ср. в рецензиях А. И. Соболевского на книгу Е. Ф. Карского «Обзор звуков и форм белорусской речи» (ЖМНП, 1887, 5, стр. 137—147) и на книгу П. В. Владимирова «Доктор Франциск Скорина, его перевод, печатные издания и язык» (ЖМНП, 1888, 10, 321—332)].
22. Историческая обстановка и письменность западной Руси XVI—XVII вв.: Супрасльский сборник, Лютеранский катехизис 1562 г., Евангелие Тяпинского, Учительное евангелие 1616 г., лл. 61—66 [Литература та же, что и для предыдущего пункта].
23. Западно-русский деловой язык, лл. 67—72 [Ср.: А. И. Соболевский, Смоленско-полоцкий говор в XIII — XV вв., РФВ, XV, 1886, стр. 7—26].
24. Историческая обстановка в южной Руси, лл. 72—76.
25. Галиция и Волынь в XII—XIV вв. Малорусский язык в XV в., лл. 77—82 [Ср.: А. И. Соболевский, Очерки из истории русского языка, Киев, 1884, стр. 1—69].
26. Деловой язык Галиции и Волыни, лл. 83—85 [Ср.: А. И. Соболевский, Очерки..., стр. 59—64].

27. Южная Русь в XVI—XVII вв. Образованность, лл. 85—91 [Ср.: «Судьбы церковнославянского языка», л. 25—29].
28. Язык литературных произведений в Малоруссии XVI—XVII вв., лл. 92—96.
29. Народный язык в малорусской письменности, лл. 97—98.
30. Язык ученых книг южной Руси, лл. 99—100.
31. Польский язык в южной Руси, л. 101.
32. Сношения южной Руси с Москвою в XVII в., лл. 102—108.
33. Малорусские писатели середины и конца XVII в., лл. 108—111.
34. Письменность в Киеве в XVIII в., лл. 111—114.
35. Церковнославянский язык в Москве в XVII в., лл. 115—118.
36. Язык русских повестей XVII вв., лл. 118—122 [Ср.: А. Соболевский, Светская повесть и роман в древнерусской литературе, «Университетские известия», 1883, 1, Киев, стр. 33—43].
37. Язык народной словесности XVII в., л. 123.
38. Развитие литературного языка на народной основе, лл. 124—129.
39. Церковнославянский язык Петровской эпохи, лл. 130—133.
40. Повести и переводы Петровского времени, лл. 133—134.
41. Деловой язык Петровского времени, лл. 135—139 [См.: «Русский литературный язык», стр. 366—367].
42. Язык письменности старообрядцев, л. 140.
43. Язык 30—40-х годов XVIII в., лл. 141—142.
44. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, лл. 143—149 [См.: «Ломоносов в истории русского языка»].
45. Язык второй половины XVIII в., лл. 150—153 [См.: «Русский литературный язык», стр. 368—369].
46. Карамзин и Шишков, лл. 154—158 [См.: «Русский литературный язык», стр. 369].
47. Архаизмы, Пушкин, Лермонтов, лл. 158—159.
48. Литературный язык и московский говор, лл. 160—161 [Ср.: «Русский литературный язык», стр. 370].
49. Изображение народной речи в русской литературе, лл. 161—167.
50. Судьбы малорусского литературного языка, лл. 167—182 [Раздел отчасти отражен в заметке А. И. Соболевского «К юбилею И. П. Котляревского», «Библиограф», 1889, стр. 189—195].

Итак, курс хронологически охватывает время от митрополита Иллариона до поэта Надсона. Из 182 нумерованных листов на домонгольский период приходится 24, на московскую Русь XIV—XVI вв. — 24, на юго-западную письменность — 65, на Москву XVII в. — 15, на Петровскую эпоху — 10, на все последующие события — 20 л. Два последних раздела — «Изображение народной речи в русской литературе» и «Судьбы малорусского литературного языка» — носят характер более или менее самостоятельных экскурсов. Распределение материала в этом курсе довольно традиционно для старой филологии с ее особым вниманием к более древним периодам, и все же бросается в глаза обширность раздела, посвященного письменному языку юго-западной Руси, в настоящее время вообще, как правило, не попадающему в обзорные курсы истории русского языка.

Здесь, как и в других работах А. И. Соболевского, заметны основательные исторические познания автора, идущего к толкованию духовной и идеологической жизни из конкретных исторических условий, глубокое и осторожное проникновение в существо предмета, интерес к реконструкции психологических представлений прошлого, чтобы в них искать *spiritus movens* языковых изменений. Как видно из наших сопроводительных примечаний, многие темы привлекали внимание А. И. Соболевского задолго до создания этого обобщающего курса, другие стали предметом его

разработки позже, третьи не были — или почти не были — затронуты в дальнейших его трудах, так что эти лекции представляют собой единственный или важнейший источник для изучения взглядов А. И. Соболевского по таким, например, вопросам истории русского литературного языка, как взаимоотношения московского и малорусского вариантов церковнославянского языка, как процессы XVII в., приведшие к созданию современного русского литературного языка.

Обнаружение этого курса позволяет иначе строить историю нашей науки, а также в известной мере отвести упреки В. В. Виноградова, писавшего в 1938 г., что «дореволюционная русская филология меньше всего уделяла внимания истории литературного языка новейшего времени. Не было даже курса истории русского литературного языка в кругу университетского преподавания...»⁸. Курс истории русского литературного языка А. И. Соболевского, несмотря на давность своего возникновения и несмотря на то, что сам автор так и не нашел возможным представить его научной общественности, имеет важное научно-педагогическое значение и сегодня. На разборе этого последнего положения мы остановимся подробнее.

Прежде всего следует отметить, что к концу 80-х годов прошлого века А. И. Соболевский стал крупнейшим знатоком славяно-русского рукописания⁹ и, как кажется, не был никем превзойден в этом отношении за все последующее время. В этом курсе, так же как в «Лекциях по истории русского языка», А. И. Соболевский представляет результаты своих собственных работ над рукописным материалом с критическим использованием существующих изданий¹⁰. При этом интерпретация языковых фактов целиком принадлежит А. И. Соболевскому, а не является, как это довольно обычно для обобщающих курсов, заимствованной из тех или иных исследований. Этим обеспечивается гармония между языковыми явлениями, которые выступают как посылки силлогизмов, и филологическими и историко-лингвистическими обобщениями, которые в качестве синтеза выводятся тою же рукою, которая выбрала и распределила явления.

Рассмотрим основные понятия и положения курса.

1. Свой предмет А. И. Соболевский определяет следующим образом: «Благодаря почти полному отсутствию разработки мы не имеем установившегося понятия даже о том, что такое наш литературный язык. Прежде всего должно сказать, что литературный язык народа и просто язык народа часто не совпадают друг с другом. Германия в средние века, да и в течение нескольких столетий нового времени, употребляла для литературных произведений мертвый язык латинский, не имевший с немецким ничего общего. Нынешние греки стараются употреблять для литературных произведений древний греческий язык, фукидидовский, хотя их народный язык уже настолько изменился и настолько стал отличен от языка древних аттиков, что простолудин не в состоянии понимать написанную литературным языком книгу. Далее, не излишне заметить, что под литературным языком мы будем разуметь не только тот язык, которым писались и пишутся произведения литературы, в обычном употреблении этого слова, но вообще язык письменности. Таким образом, мы будем говорить не только об языке поучений, летописей, романов, но и об языке всякого рода документов вроде купчих, закладных и т. п., не только о

⁸ В. В. Виноградов, *Очерки...*, 2-е изд., стр. 3.

⁹ К такому мнению, во всяком случае, пришел А. А. Шахматов. См.: сб. ОРЯС, 70, 1902, стр. XXVII.

¹⁰ Из изданий прежде всего нужно указать «Историческую хрестоматию» Ф. И. Буслаева, библиографические описания рукописей И. И. Срезневского, издания грамот (они охарактеризованы среди источников в «Лекциях» А. И. Соболевского).

языке произведений, написанных или переведенных в России, но и о языке произведений, составленных и переведенных вне России, но обращавшихся в России, вроде евангелия, апостола, богослужебных книг, творений отцов церкви» (лл. 1—2). Как видно, это понятие литературного языка полностью совпадает с понятием письменного языка, так что А. И. Соболевский последовательно вплоть до XVIII в. рассматривает параллельно церковно-богослужебные, беллетристические и деловые тексты. Начиная с Тредиаковского, однако, речь идет только о произведениях художественной литературы. Делается ли это потому, что язык художественной литературы нового времени является наиболее авторитетным выразителем (репрезентантом) литературного языка в многообразии его стилей, или потому, что вообще при рассмотрении языка нового времени склонность игнорировать различие между языком художественной литературы и литературным языком оказывается преобладающей, — затруднительно решить. Отметим, однако, что в «Очерке» Е. Ф. Будде, вышедшем много позже, вообще как будто не предусматривается возможность функционирования литературного языка вне художественной литературы. Приведенное выше определение предмета в этом курсе не позволяет считать, что А. И. Соболевский не различал этих двух важных понятий, но вместе с тем необходимо признать, что полной ясности в этом вопросе нет, и в дальнейшем это будет еще раз подтверждено.

2. Для всего периода XI — XVII вв. А. И. Соболевский устанавливает наличие письменного двуязычия: «Рядом с церковнославянским языком старая Русь употребляла народный живой русский язык, и памятники последнего параллельно с памятниками первого тянутся издревле до новейшего времени» (л. 2). Церковнославянский язык, южнославянский по своей языковой основе, появился в России вместе с церковной письменностью. А. И. Соболевский не считал необходимым рассуждать о диалектной основе этого языка: «для нас важно только то, — говорит автор, — что он (церковнославянский язык. — А. А.) был употреблен Кириллом и Мефодием для переводов с греческого и что после Кирилла и Мефодия он сделался литературным языком сперва Болгар, потом Сербов и Русских» (л. 3). Это высказывание, настойчиво повторявшееся А. И. Соболевским (см. «Русский литературный язык», «Судьбы церковнославянского языка» и др.), позволяет думать, что церковнославянский язык мог представляться ему не в виде какого-либо южнославянского диалекта, получившего привилегию на письменно-литературное употребление, а в виде продукта совместной деятельности всех славянских племен (ср., в частности, его особый интерес к моравизмам в церковнославянских памятниках). Сходная мысль о наддиалектном характере древнеславянского литературного языка становится сейчас все более популярной в среде историков литературного языка¹¹.

Вообще, изучение взглядов А. И. Соболевского, высказанных до того, как история русского литературного языка получила свою теорию и свои «проклятые» вопросы, представляет интерес и с точки зрения разработки этих вопросов. Именно поэтому необходимо признать важным замечание А. И. Соболевского о том, что язык церковнославянских текстов, пришедших на Русь, воплощал в себе языковой идеал, к которому стремились русские писцы, переводчики, авторы оригинальных сочинений. Этим обусловлены трудности при определении места создания текста, поскольку

¹¹ См., например: Л. П. Жук о с к а я, О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода, ВЯ, 1972, 5, стр. 74; Р. И. А в а н е с о в, К вопросам периодизации русского языка, «Славянское языковедение. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 6; Ф. П. Ф и л и н, Об истоках русского литературного языка, ВЯ, 1974, 3, стр. 9—11.

ку болгаризмы могли быть внесены русским по происхождению автором, а русизмы могли появиться и в болгарском тексте, коль скоро он был переписан на Руси или русским. Для нас отсюда следует также важное методологическое соображение о невозможности исключить из рассмотрения при построении истории русского литературного языка текстов церковных, пришедших на Русь со славянского юга, особенно если своим происхождением они обязаны Кириллу и Мефодию¹². Рассматривая язык митрополита Иллариона, епископа Кирилла Туровского, нельзя отбрасывать новозаветные тексты, тексты слов Иоанна Златоуста, Василия Великого и др., переведенные (либо созданные, как это будет, например, с сочинениями Иоанна экзарха Болгарского) хотя не в России, но, во-первых, вошедшие в основной фонд древнерусской литературы, а, во-вторых, обладавшие наивысшим языковым престижем¹³.

Далее А. И. Соболевский указывает на наиболее регулярные языковые черты церковнославянских текстов русского извода и отмечает, что со временем — по мере грамматических и лексических изменений русского языка — церковнославянский язык становится непонятен и требует неперенной выучки для чтения и писания на нем. Эти указания идут вполне в русле «Мыслей об истории русского языка» И. И. Срезневского, здесь еще нет и намек на изменение самого церковнославянского языка, изменение, последовавшее в результате второго южнославянского влияния.

Язык деловых памятников, особенно «Русской правды», А. И. Соболевский считает почти адекватным отражением живой восточнославянской речи, хотя и здесь он отмечает черты традиции, а также те черты, которые своим существованием были обязаны церковнославянскому влиянию. Особенности языка летописи А. И. Соболевский ставит в прямую связь с образованностью писца и с излагаемой темой: «Другие русские деятели (помимо митрополита Иллариона, епископа Кирилла Туровского. — А. А.) сравнительно слабо знали церковнославянский язык. Таковы все наши древние летописцы, таков Владимир Мономах, таков автор „Слова о полку Игореве“. Они старались писать по-церковнославянски, но отчасти не в состоянии были изложить на церковнославянском языке всего того, что хотели, отчасти не умели отличить церковнославянского от русского, и потому в их произведениях мы находим полное смешение церковнославянского элемента с русским, причем в одних местах летописи — в похвалах умершим, в благочестивых размышлениях, в молитвенных обращениях и т. п. — преобладает первый, в других — в описаниях сражений, в передаче разговоров — второй. Это смешение придает особый колорит языку летописей, „Почтения“ Мономаха, „Слова о полку Игореве“» (л. 22). На связь темы летописной записи с языком вновь обратил внимание только И. П. Еремин¹⁴, а лингвистически это стало изучаться И. С. Улухановым¹⁵ и другими. Последние работы Т. Н. Кандау-

¹² Так, А. Бартошевич считает, что евангелия, псалтыри и т. п. «представляли собой механические списки со старославянских оригиналов и тем самым не могут привлекаться как образцовый материал при характеристике древнерусского литературного языка» («История русского литературного языка», ч. 1, Warszawa, 1973, стр. 39).

¹³ Близко к этому высказанное недавно мнение о том, что норма древнерусского литературного языка складывалась под воздействием южнославянских образцов (см.: D. Freydanck, Ch. Fleckenstein, W. Boeck, Geschichte der russischen Literatursprache, Leipzig, 1974, стр. 35—36).

¹⁴ И. П. Еремин, Киевская летопись как памятник литературы, ТОДРЛ, 7, 1947, стр. 67—97.

¹⁵ И. С. Улуханов, Предлоги *предъ* — *передъ* в русском языке XI — XVII вв. «Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка», М., 1964, стр. 125—160, и др. работы.

ровой и Г. Хюттль-Ворт, показывающие, что в летописных текстах церковнославянские элементы могли не иметь стилистической маркированности¹⁶, звучат согласно с приведенным высказыванием А. И. Соболевского.

3. А. И. Соболевский говорит не только о двух письменных языках в древней Руси, он выделяет несколько местных вариантов этих письменных языков. Кроме новгородского, это открытое А. И. Соболевским несколько ранее галицко-волыньское и псковское наречия древнерусского языка, а также киевское и ростово-суздальское. Последние два не имеют каких-либо ярких языковых черт. Смоленско-полоцкий диалект, за отсутствием достаточных данных от XI — XII вв., не получает здесь полной характеристики. «Славяно-русский язык церковнославянских текстов, — говорит А. И. Соболевский, — был различен в разных местах древней Руси XI—XIII вв. Причина этого заключалась в отсутствии на Руси этого периода, во-первых, выдающегося политического и литературного центра, во-вторых, училищ и учебных руководств по церковнославянскому языку. Политическое значение Киева, высокое при Владимире и Ярославе, пало при их преемниках, когда Русь разделилась на несколько удельных княжеств, бывших фактически независимыми от Киева и не признававших его главенства. Литературное значение Киева, несмотря на жителство в нем митрополита, на обилие и богатство его церквей и монастырей, на многочисленных грамотных, может быть даже ученых, людей, также не было признаваемо в других городах Руси, и, например, Новгород не обнаружил никакой склонности видеть в нем для себя литературный авторитет. Вследствие этого язык киевских церковнославянских текстов не получил значение образцового языка, не сделался общерусским и остался таким же провинциальным языком, как языки церковнославянских текстов новгородских, псковских, ростовских» (гл. 15—16а)¹⁷.

Деловой язык на собственно русской основе также имел местные особенности, более или менее отражавшиеся на письме, при этом «новгородский деловой язык был выразителем живого новгородского говора, московский — московского, псковский — псковского» (л. 46). Естественно, что особенное развитие деловой язык получил в западнорусских областях¹⁸.

Изложение этого предмета А. И. Соболевский резюмирует следующими словами: «Итак, домонгольская Русь не знала одного, общего ей всей, литературного языка. Она употребляла два языка: один, церковнославянский, для собственно литературных произведений, другой, чистый русский, для деловой письменности. Эти два языка делились каждый на несколько второстепенных, местных, которые были различны в разных ме-

¹⁶ Из работ Т. Н. Кандауровой особо см.: «О случаях параллельного употребления неполногласных и полногласных слов-вариантов в памятниках XI—XIV вв.», в кн.: «Русская историческая лексикология», М., 1968, стр. 140—153; Г. Хюттль-Ворт, Спорные проблемы изучения литературного языка в древнерусский период «Wiener slavistisches Jahrbuch», 18, 1973, стр. 44.

¹⁷ Позже, в согласии с этой точкой зрения, В. М. Истрин объяснял отсутствие ярких местных особенностей в древнерусских текстах важной ролью церковнославянского языка как языкового идеала (см.: «Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода», Пг., 1922, стр. 82).

¹⁸ Совершенно необоснованными, во всяком случае по отношению к А. И. Соболевскому, должны казаться следующие слова В. В. Виноградова: «А. И. Соболевский, а вслед за ним и В. М. Истрин и Б. М. Ляпунов придавали очень мало значения диалектным расхождениям восточнославянской письменной-деловой речи в древнейшую эпоху... Специфика речи именно деловых памятников, грамот, актов и т. п. их почти не интересовала» («Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка», М., 1958, стр. 86).

стах Руси и отличались друг от друга в той мере, в какой отличались друг от друга местные говоры» (л. 24)¹⁹.

Относительно языка Москвы А. И. Соболевский говорит следующее: «Московский народный говор XIV в., когда возникла в Москве литература, а может быть и письменность, был почти тождествен с говором старого Ростова, особенности которого мы знаем по рукописям начала XIII в.; равным образом, он почти совсем не отличался от говоров Твери, Ярославля, Переяславля, Рязани; таким образом, он был не только московским, но вообще среднерусским говором. Он был сравнительно чист, то есть не имел никаких резких особенностей, которые бы выделяли его из ряда других говоров... Эти исключительно отрицательные черты делали его вполне удобным и благозвучным для говоривших на других говорах, и ни один из них не мог находить в нем ничего для себя чуждого или смешного. Например, москвич не менял *ц* и *ч*: он говорил *царь* только с *ц* и *чаша* только с *ч*. Новгородец, говоривший и *царь* и *чарь*, и *чаша* и *цаша*, не мог находить для себя ничего неудобного или смешного в произношении *царь* и *чаша*... По мере того, как распространялось владычество Москвы в северо-восточной Руси, по мере того как все более и более начинала чувствоваться гегемония Москвы в Новгороде, Пскове и их областях, распространился авторитет ее литературного языка на счет литературных языков новгородского и псковского» (л. 32—33). Далее на примере нескольких новгородских памятников А. И. Соболевский показывает исчезновение в них провинциальных особенностей языка. Важно при этом замечание автора, что в деловых текстах местные особенности Новгорода сохранялись несколько дольше, чем в собственно литературных текстах (л. 48).

4. Рассматривая письменность западной и южной Руси, А. И. Соболевский дает содержательный анализ целого ряда текстов, вышедших из этих пределов и написанных как на *простой мове*, так и на церковнославянском языке, содержащем местные особенности в большей или меньшей степени. Здесь автор указывает, что: 1) церковнославянский язык юго-запада существовал в условиях конкурентной борьбы с *простой мовой* и *польщицей*, имевшими больший круг распространения, так что тенденция превратиться в ученую «православную латынь» постоянно нарушалась потребностями православной пропаганды, 2) церковнославянский язык юго-запада формировался под воздействием московской нормы его употребления, выражением которой явилась грамматика Мелетия Смотрицкого уже в первом своем издании 1619 г.²⁰, 3) воздействие во второй половине XVII в. церковнославянского языка юго-запада на церковнославянский язык Москвы в силу названного обстоятельства не было значительным по своим языковым результатам, ограничивалось немногими словами и формами да, пожалуй, приданием еще большей схоластической мертвости языку, и без того отличавшемуся этим невеселым свойством²¹.

С нашей точки зрения, совместное рассмотрение судеб церковнославянского языка в Москве и на юго-западе имеет принципиальное значение, поскольку такое рассмотрение предполагает признание единства церковнославянского языка как литературно-письменного языка всех восточных

¹⁹ Ср. аналогичное мнение П. С. Кузнецова: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в, Историческая грамматика русского языка, М., 1965, стр. 29.

²⁰ К подобному же выводу пришел С. К. Булич («Церковнославянские элементы...», особенно стр. 400—403).

²¹ Напротив, используя по преимуществу историческую аргументацию, о значительности юго-западного влияния говорят Б. А. Успенский [«Эволюция понятия „просторечия“ (простого языка) в истории русского литературного языка», «Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы», М., 1973, стр. 219] и А. Н. Робинсон («Борьба идей в русской литературе XVII века», М., 1974, особенно стр. 338).

славян с XI по XVII в. Формирование трех национальных восточнославянских языков шло независимо в той степени, в какой были независимы процессы консолидации местных диалектов в три крупных наречия, но даже в эпохи политического разъединения восточных славян связь их языковых традиций осуществлялась благодаря единой письменности и единому языку этой письменности — церковнославянскому языку²². И поскольку из трех восточнославянских литературных языков церковнославянское наследие наиболее полно представлено в языке русском, именно истории этого последнего должны учитывать все формы существования церковнославянского языка на восточнославянских землях²³.

5. Переходя к обзору языковой ситуации в Москве в конце XVII — начале XVIII в., А. И. Соболевский указывает на причины известного расцвета в это время письменности на церковнославянском языке. Дело заключалось в том, что многие писатели были малорусского происхождения, великорусское наречие было им чуждо, так что церковнославянский язык был для них единственным языком, на котором они могли писать и быть поняты. Это касается Симеона Полоцкого, Димитрия Ростовского, позже Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, Феофана Прокоповича и других авторов до конца Петровской эпохи (гл. 129—130).

Однако существование церковнославянского языка как литературно-письменного языка русского общества подходило к своему концу. В XVII в. число грамотных людей весьма возросло, потребность в чтении была велика, появился спрос на повествовательные произведения, что повело к созданию переводов и оригинальных сочинений в этом новом жанре. А. И. Соболевский характеризует язык целого ряда светских повестей: О Савве Грудцыне, о купце Басарге, романы о Мелюзине, о Петре Златые ключи, о Василии Златовласом, сборники «Зерцало великое», «Звезда пресветлая», «Римские деяния», «Апофегмата», «Фацеции». Здесь везде виден церковнославянский язык с большим или меньшим числом вульгаризмов. Рядом с ними появляется несколько повествовательных произведений, написанных «на более или менее чистом русском языке» (л. 120), это сказка о Еруслане Лазаревиче, повесть о Фроле Скобееве, сатирическая челобитная монахов Калязина монастыря²⁴.

Затем А. И. Соболевский переходит к непростой задаче реконструкции исторических процессов, приведших к созданию современного русского литературного языка. Дело обстояло следующим образом. Обучение грамоте шло в старой Руси по часослову и псалтыри, церковные книги для этого заучивались наизусть, почти вся литература была на церковнославянском языке. С течением времени это привело к качественному изменению языка образованного общества (т. е. прежде всего приказного со-

²² Подобная точка зрения является отражением концепции о церковнославянском языке как едином литературно-письменном языке всех православных славян XI — XVII вв., так настойчиво и умело защищаемой в наше время Н. И. Толстым.

²³ Кстати будет напомнить слова А. А. Шахматова из его «Курса истории русского языка» [СПб, 1908/9, стр. 36 (литография)]: «Нашему изучению подлежит русский язык во всем его объеме, в составе всех его наречий и говоров. Разумеется, в таком определении предстоящего курса высказывается лишь пожелание; выполнение такой задачи невозможно и по ограниченности времени и по недостатку сил. Данное же здесь определение имеет тот смысл, что выдвигает принципиальное требование, чтобы курс истории русского языка имел в виду не одну какую-нибудь ветвь его, не один какой-нибудь ряд явлений, а весь материал, необходимый для восстановления процесса, приведшего русский язык в настоящее его состояние».

²⁴ Насколько большое значение придавал А. И. Соболевский состоянию языка эпохи, видно из того, что, по его мнению, именно языковая непоятность и темнота древнерусской литературы привели в XVII в. к ее замкранию и вытеснению новой литературой на обновленном языке («Несколько мыслей об древней русской литературе», ИОРЯС, 8, кн. 2, 1903, стр. 144—146).

словия) и к разрыву его с языком неграмотного населения. Коренное отличие языка образованного общества состояло, таким образом, в наличии церковнославянских элементов (л. 125). Лишь немногие произведения XVII в. написаны «не на славянском или чисто русском языке», а на «языке образованного общества» — это повесть о Фроле Скобееве да, пожалуй, повествование о России Котошихина (л. 127). Применение и развитие этот язык нашел в Петровское время вместе с расцветом неизвестной прежде публицистики. Здесь А. И. Соболевский подчеркивает личную роль Петра I в распространении этого языка, на котором говорил и писал он сам и его окружение²⁵. «Так явился новый литературный язык, смесь двух прежних языков, вполне русский в звуковом, почти вполне русский в формальном отношении, но далеко не вполне русский в словаре» (л. 129). История литературного языка не представляет, таким образом, непрерывный процесс, как это оказывается в крайне заостренных концепциях Шахматова — Унбегауна, с одной стороны, и Обнорского, с другой: в XVII в. ликвидируется старое письменное двуязычие, и на новой почве вырастает новый литературный язык. К этой точке зрения очень близко подошел в свое время Г. О. Винокур: старое письменное двуязычие переходит в XVII в. в состояние трехязычия — церковнославянский язык канонических книг, олитературенный язык приказов, новый литературный язык, возникший в конце XVII в. на основе церковнославянского языка (язык светской беллетристики), затем два последние языка сливаются и образуют в XVIII в. современный русский литературный язык²⁶.

В дальнейшем изложении оказывается, однако, что письменное двуязычие сохраняется и в Петровскую эпоху, правда, в измененном виде. Церковнославянский язык еще употребляется как язык литературы, и на нем написаны такие тексты, как проповеди Феофана Прокоповича, «Эзоповы басни» 1700 г., «Приклады како пишутся комплименты» 1708 г., «Феатрон или позор исторический» Стратемана и др., а также повесть о российском матросе Василии и пьесы, вышедшие из Посольского приказа. Заканчивается обзор этих текстов следующими словами: «Итак, литературный язык собственно литературных произведений Петровской эпохи — или славянский, или русский, испещренный славянизмами. Очевидно, вековая привычка к употреблению в литературе славянского языка была очень сильна, и нужно было пройти порядочному количеству времени, чтобы от нее освободиться» (лл. 134—135).

С другой стороны, в это же время бытуют такие публицистические произведения, как «Правда воли монаршей», «Рассуждение» Шафирова, «Юрнал о взятии Нотебурга», «Ведомости», написанные на языке образованного общества. Этот язык прежде был назван «новым литературным языком», здесь, видимо, как результат терминологической непоследовательности, да и под несомненным влиянием жанра привлеченных текстов, ему возвращено название «делового». Он получает следующую характеристику: «Деловой язык Петровского времени — живой язык образованного класса того времени, класса, к которому принадлежал царь и его двор. Он не был чистым русским языком, таким чистым, каким был деловой язык в Москве XV, XVI, XVII вв. Он заключал в себе довольно много

²⁵ Весьма сходно с А. И. Соболевским оценивал роль Петра I и Е. Будде («Очерк истории современного литературного русского языка», стр. 47).

²⁶ Г. О. В и н о к у р, Избранные работы по русскому языку, М., 1959, стр. 113—114. В. В. Виноградов также отмечает слом старой языковой ситуации, наступивший в XVII в. («Основные проблемы...», стр. 114—121, 125). С полной определенностью на перерыв традиции указывает Г. Хюттль-Ворт, см.: G. H. W o r t h, Thoughts on the turning point in the history of literary Russian: the eighteenth century, «International journal of Slavic linguistics and poetics», XIII, 1970, стр. 125—126.

славянизмов, из которых большая часть (едва ли не все) остается в живом языке нынешнего образованного класса. Сверх того в нем было небольшое количество славянизмов, едва ли встречавшихся в живом употреблении, принадлежавших исключительно письменному языку. Одни произведения публицистического и делового характера имели их больше, другие меньше. Вообще, язык их был недалеко от литературного, и нередко при сравнительно значительном количестве славянизмов в публицистическом труде и незначительном в литературном оба языка, деловой и литературный, совпадали. Так, можно назвать почти тождественными язык Рассуждения Шафирова и язык драматических пьес, переведенных при Петре» (лл. 136—137).

В дальнейшем, продолжает А. И. Соболевский, небольшая группа образованных людей, во главе которых стояли Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, обратила внимание на «близость, почти тождество литературного языка на западе с живым языком, а вместе с тем живость литературного языка запада. Деятельность этой группы в России на поприще русской литературы, естественно, имела своим предметом сознательное сближение литературного русского языка с живым, то есть с тем языком, который был в употреблении у образованного русского общества» (лл. 142—143). Как видно, под «литературным языком» здесь уже пужно понимать собственно язык беллетристики, художественной литературы. Первый шаг был совершен Тредиаковским в «Езде в остров любви»: «Язык Тредиаковского очень похож на язык манифестов и ведомостей Петровской эпохи с тою разницею, что мы не замечаем в нем латино-немецкой конструкции» (л. 145). Однако «язык Тредиаковского показывает отсутствие чувства изящного в авторе... Иное дело Ломоносов» (там же). Ломоносову удалось достичь вкуса и гармонии во взаиморасположении церковнославянского и русского элементов в составе русского литературного языка.

Таким образом, согласно представлениям А. И. Соболевского новый литературный язык возник первоначально как устная форма общения образованного круга лиц в XVII в., затем он был использован в публицистике Петровского времени, а затем на него «перевели» художественную литературу Тредиаковский и Ломоносов. Можно сказать по крайней мере, что хотя эта концепция не была никем повторена, она не производит впечатление безнадежно устарелой ²⁷.

Заканчивая рассмотрение созданного А. И. Соболевским между 1889 и 1893 гг. курса «История русского литературного языка», необходимо сказать, что мы не исчерпали всех вопросов, затронутых курсом, и никоим образом не смогли передать содержания лингвистических характеристик, данных автором тому или иному памятнику русского языка, и — тем более — подвергнуть эти характеристики критическому разбору. В статье мы стремились указать на тесную связь этого курса со всею научною деятельностью его автора, показать — насколько это возможно — место курса среди основных направлений и проблем истории литературного русского языка как науки и подчеркнуть важность дальнейшего изучения этого бывшего в забвении труда А. И. Соболевского.

²⁷ Ближе всего, как говорилось, к этой концепции подошли Г. О. Винокур и В. Д. Левин (см.: В. Д. Л е в и н, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1964, особенно стр. 103—104).